

This is the dead land

...

The supplication of a dead man's hand

Under the twinkle of a fading star.

Is it like this

In death's other kingdom

Waking alone

At the hour when we are

Trembling with tenderness

Lips that would kiss

Form prayers to broken stone.

Бабушка, как всегда, чистила картошку. Грета могла бы вчера сказать - чем будет заниматься бабушка. И завтра, послезавтра. Другой еды, кроме картошки не было уже давно. Значит, бабушка будет варить картошку.

Картошка помёрзла, была подгнившей - и бабушка ворчала, отправляя в алюминиевый бачок для очисток больше половины каждой картошки. Грета сидела на деревянной скамейке, сколоченной дедушкой ещё до войны, для того, чтобы бабушка могла встать на неё и достать с самых верхних полок соль, самые нужные приправы или кофе. Приправы давно закончились. Картошку они ели несолёной сколько она помнила. А последнее кофе они сменяли на тёплый плед для бабушки - газ теперь подавали нормировано. Теперь доставать с верхних полок было нечего и там просто стояли красивые банки, которые Грета с удовольствием рассматривала, пока бабушка чистила картошку. Очередь Греты настанет позже - когда бабушка доверху набьёт алюминиевый бачок обрезками и очистками. Тогда она должна будет отнести его к помойному баку.

Ну, а пока можно было сидеть на скамейке черного лакового дерева - приятного и гладкого, рассматривать нарисованных на пустых банках для приправ гномов и ковырять дырку на пятке кусачего и неудобного чулка - на что занятая готовкой бабушка не обращает внимания. Она, сверкая очками, ругает всех кого можно так, что это становится опасно. Ведь говорит она очень громко. Не потому что не боится - хотя бабушка и в самом деле никого никогда не боялась. Дело в том, что бабушка - глухая. Не от бомб - просто от старости. Хотя, по её мнению, она слышит всё так же хорошо как и

раньше, это просто все остальные говорят тихо. Бабушка глухая. А все глухие всегда разговаривают громко. Даже наедине с собой или сидящей тихо-тихо Гретой. Впрочем, Грета была тоже недовольна, как и её бабушка - ведь чем больше срезанных частей картошки, тем тяжелее становился бачок. А ведь его надо поднять, спустится с ним, и протащить неизвестно сколько.

Включённый приёмник - маленькая светлая коробочка со всего лишь одной ручкой, регулятором громкости - играл одни марши. Скучная музыка. Без слов - нельзя подпевать. И даже если бы там были слова - такое больше подходит мальчишкам. Бабушке марши надоели не меньше, чем Грете, но включённым приёмник она она держала всё равно, хоть и убрав звук.

Вот, наконец, и всё. Бабушка положила нож на гладко выструганные доски кухонного стола и, сложив картошку, по одной, в подкопчённую кастрюлю с отколотым кусочком эмали, понесла её мыть под тонкой струйкой едва текущей оранжевой воды.

-Гретхен! -голос бабушки похож на скрип давно неокрывавшегося окна. Такой же сердитый. Густой и тягучий. При том, что сама бабушка - лёгкая как воробышек. Она словно бы разговаривает чужим голосом, который ей, как чужой пальто, совершенно не подходит. Грета считает, что это дедушкин голос. Дедушку она совершенно не помнит. Но могла же бабушка оставить от него себе на память строгий и суровый голос? Грете нравится думать, что так с ней говорят одновременно и бабушка, и дедушка.

- Да, бабушка! - отозвалась Грета, почесав запекшуюся чёрную ранку на красной руке.

Девочка вскочила и, напрягшись, стащила бачок с очистками со стола, который был всего-то в полтора раза ниже её, стоящей на скамеечке.

-Уфф!

Теперь надо было спустится с ним по скрипучей лестнице. Они с бабушкой жили на втором этаже, на самой окраине -поэтому идти до помойного бака долго. Но, может быть, именно потому что они живут так далеко им так везло бомбы никогда не попали в их дом. Лишь постоянно окна приходилось менять. Впрочем, там уже давно нет стёкол -одна фанера. И потому на лестнице темно. А лестница крутая, с узким ступеньками и на ней было легко потерять деревянные башмаки. Занозистые, тяжёлые, неудобные, постоянно слетающие с гретиной ноги - но куда долговечнее обычного ботинка. Нынче другой обуви мало -так говорит бабушка...

Посреди дороги, в глубокой воронке лежала расколовшаяся от удара о землю ржавая воздушная химическая мина. Взрыватели не сработали как надо и теперь она лежала здесь, зарывшись своим тупым носом в землю, сплюснутая и никому неинтересная.

Мина была добрым знаком - половина дороги пройдена.

Грета опустила бачок на землю и остановилась передохнуть.

Толстый литой корпус бомбы наискось пересекала трещина. Внутри затекала стоячая дождевая вода и на ней плыли жёлтые, сверкающие на солнце разводя остро пахнущего масла. От его чесночного запаха щипало в носу даже на некотором удалении от мины. А ещё в воронке плавала, пытаясь взобраться по осыпающемуся краю упавшая туда крыса. Худющая, с пропалинами на месте шерсти- но живая, - крыса. Крысу надо было срочно спасать. Доска, ветка - что угодно...

-Девочка, отойди.

Грета подняла глаза. На неё смотрел человек в чёрной куртке серой военной фуражке с орлом и с повязкой со свастикой на рукаве

- Отойди, - сказал он, - Здесь опасно.

Грете было очень жаль крысу. Но она уже была достаточно большая, чтобы понимать, что слушаться того у кого красная повязка со свастикой приходится даже взрослым людям. Даже бабушке. Она вновь подняла тяжёлый неудобный бачок.

- А где сейчас не опасно? - вмешался в их разговор проходивший мимо незнакомый мужчина.

Он толкал тачку, доверху набитую разными вещами.

Человек со свастикой не нашёлся что ему ответить. Только ещё раз поправил карабин и нахмурился. Беженец только грустно усмехнулся в ответ. Они оба поняли друг друга и не стали ковырять болячки.

И тут Грета заметила небольшого жучка, устроившегося на краю её посуды и вовсе не желавшего улетать, несмотря на такое титаническое для него потрясение основ - то как она подняла бак с очистками:

*Жучок, лети!
Отец - на войне,
А мать — в костяной стране...*

Жук, в самом деле, будто бы услышав её, поднял жёсткие надкрылья, затрепетал, зажжужжал маленьким моторчиком -и полетел!

Невозможно сказать какое действие произвела на двух взрослых людей песенка Греты. И особенно- последние слова. Про страну костей. Грету очень испугали глаза человека со свастикой. Казалось ещё немного -и он сможет преодолеть её стишок-заклинание и застрелить девочку. Она бы бросилась бежать, но набитый доверху обрезками и очистками кухонный бачок был слишком тяжёл.

А бросить его было нельзя. Алюминиевый бачок- одно из того немногого, что удалось спасти бабушке от переплавки. Даже оставшийся от деда тромбон пришлось сдать. И Грета никак не решалась его бросить...

Between the idea
And the reality
Between the motion
And the act
Falls the Shadow...

Звук крыльев жучка в одночасье превратился в рев двух работающих винтов крылатой тени.

Тревоги не объявляли. Но тень всё же открыла бомболюк, не считаясь с правилами и обычаями.

Бачок перевернулся, зазвенел, рассыпал по асфальту очистки и разлив грязную воду. Грета, как и все остальные, побежали в разные стороны, не дожидаясь, когда над их головами вспыхнут безобидные девятнадцатифунтовые умирающие звёзды из магния.

Тень сделала огромный круг и, снова вернулась, к перекрёстку, спеша заснять на огромную авиационную камеру разыгравшуюся трагедию. Безусловно Бомбардировочному Командованию будет важно знать, что человек со свастикой на рукаве бежал не оглядываясь, а немецкая девочка, нашла в себе силы вернуться за бачком, как раз к тому моменту, как тень пролетал над перекрёстком второй раз. И что, испуганная, она упала, вжавшись в асфальт - но бомб и магниевых звёзд на этот раз не было.

В этом городе ещё остались немцы. Несмотря на сброшенные зажигательные бомбы и канистры - ещё много немцев. В штабе сопоставят с фотографиями других разведчиков - сколько, примерно и когда этот город станет безопасен.

Но сейчас -здесь много немцев.

Их надо сжечь.

Возвращалась она, стараясь обойти перекрёсток с миной как можно дальше. Домой она пришла очень поздно. Картошка успела свариться и остыть. За это, за то, что бабушка, хотевшая сегодня вымыть полы во всём доме - так и не дождалась Грету, которая так и не наносила воды с колонки. За это всё и за многое другое тоже её очень сильно отругали. Грете показалось правильно не рассказывать ей про жука, человека со свастикой на рукаве, Тень и страну костей, а потому ей только и оставалось, что стоять, молча и виновато, пока бабушка не закончит и не отправит её спать - без ужина. Но бабушка всё говорила,говорила,говорила, говорила - как радиоприёмник.

Привычные воинственные звуки речей, доносившиеся из динамика, исчезли и занявший их место встревоженный голос сказал:

- Самолёты противника над Бад-Дюркхайм! Самолёты противника над Бад-Дюркхайм!

Голос словно бы, в самом деле, был встревожен тем - успеет ли Грета добежать до бомбоубежища. Успеет ли. Голос отлично знает, что не все поместятся. Не все успеют добежать. Не всем хватит места. Не все протолкнутся в возникшей перед дверью давке -особенно, если ты не очень силен,чтобы работать локтями будто ломами на разборе завалов. Погреб. Погреб -это, конечно, хорошо. Но если

Они не стали тратить время на то,чтобы одется. Конечно, самолёты могли пройти мимо. Бад-Дюркхайм -это не обязательно к ним. Но... Грета остановилась,чтобы захватить плед - ведь просидеть там они могли неизвестно сколько часов.А бабушка могла замёрзнуть... И едва успела схватить его, очень кстати лежащий в прихожей, прежде, чем выпустившая её на мгновение бабушка, снова потащила её за собой.

Бабушка никогда не ругала англичан. Несмотря то,что поминала она многих - свинью гауляйтера, нормирование электричества, Геринга, торговца, которому она бы до войны вывернула такое гнильё вместо картошки на голову(«Да! Пошла бы и вывернула на голову!»), выигранные по лотере сорок довоенных марок(« Что на них купишь?! Лучше бы свинину давали - но нет! Её привозят и раздают только после бомбёжек!»). Даже Гитлеру доставалось от бабушки. Но не англичанам.

Иногда, засыпая, Грета пыталась представить себе мир без англичан. Там должна была быть бабушка. Нормальная вкусная картошка. Никогда не гасят свет. Там снова цел старый вокзал - на который непременно когда-нибудь придёт эшелон и приедет папа - навсегда-навсегда. И мама тоже - вместе с остальными. Трудовая Армия очень быстро закончат восстанавливать пути в Регенсбурге, если не будет англичан. В этом мире ещё не было дождей и зимы. Грета ещё не определилась - должно ли быть там пианино на котором она продолжала заниматься с бабушкой по часу в день. Бабушке предлагали за него целую тушу свиньи, десяток самых настоящих яиц и фунт кофе - и Грета была бы рада, если бы бабушка согласилась. Но никакими, самыми щедрыми предложениями не получалось выманить у неё этот старый, основательно расстроенный инструмент, до сих пор про себя наигрывавший вальсы ушедшей эпохи «вильгельмцайта».

Ладно уж, пусть там будет пианино.

Но никаких англичан!

Зенитный снаряд разорвался точно под плоскостью крыла, лишив «Линкольн» сразу двух «тезеусов» и всякого шанса поборотся за место в строю и в воздухе. Просто чудо, что ничего не загорелось.

Но что моторов справа у них нет Айра Хирми, понял сразу - по резко появившемуся крену, изрядно ослабшей вибрации корпуса и стихшему шуму внутри самолёта.

Внутри верхней турели мимо которой он прополз, боясь встать в машине, которую бросало из стороны в сторону как лодку в бурном море, словно бы поработала сотня острых ножей. Осколки тяжёлого снаряда проткнули, раскололи плексигласовый пузырь. Бывший там стрелок был разделан ими будто туша свиньи - мясником. Осталось только подставить только ведро - чтобы стекала кровь.

И всё это случилось быстрее чем он успел сделать последний вдох и крикнуть как же ему больно.

Оставалось лишь, молится, что хоть кто-то из пилотов, выжил и ему не кажется будто машина ещё старается держатся, что это не случайные колыхания на восходящих потоках пропитанного нефтяным запахом горячего воздуха.

Стрельба зениток была так редка - и вот. Всё же... И, судя по тому как трянуло всю машину, их достало самое злобное и само редкое порождение всех кошмаров - пятидюймовая длинноствольная пушка. Наткнутся на такую, по сегодняшним временам

- шансов меньше, найти лежащие преспокойно посреди улицы, на виду у всех, сто фунтов.

Надо же, как нам всем повезло!

Не надо было быть инженером, чтобы понимать - после такого самолёт не дотянет не то, что до рейнских мостов, но даже до окрестностей Штайнфурта, где их, может быть, сможет забрать «журчалка» Рейнской Армии. Если, конечно, американцы решат рискнуть «журчалкой» ради такого дешёвого материала, как пара английских пилотов и один бортстрелок... Нет, конечно, нет! Они не могут их бросить!

Айра, невероятным усилием, выбросил из головы мысли о Штайнфурте и вертолёте. Сейчас надо сосредоточиться на главном. А главное - это воон тот жестяной ящик. До него надо дойти. Дотянутся. Его надо открыть. Там - «кольт». Надо было носить его с собой, но ведь мало ли что. Выпадет. Зацепишься за что-нибудь - тесно же в хвостовой турели. Да и сколько раз уже попадало ему. Поэтому- теперь ему надо платить за спокойствие. Ползти к жестяному ящичку с инструментами. Айру колотило о борта самолёта. Своим телом, он пересчитал все стальные рёбра умирающего бомбардировщика и даже спасательный жилет, толстая ирвиновская куртка на меховой подкладке и свитер не спасали его бока. Их машина -он всё-таки не ошибся! -падала. Мягко покачиваясь на восходящих потоках, они снижались,уже даже не пытаясь удержать высоту. Может, майор прав и пистолет его там, *внизу*, не спасёт. И слишком много гонора для стрелка в вас, мистер Хирми - иметь при себе оружие, положенное только офицерам. И вообще, это просто опасно -в самолёте, битком набитом топливом и взрывчаткой. Но... Вот он, этот ящик в котором он спрятал ото всех свой «кольт» - о котором не знал и командир экипажа.... Защёлка открылась и инструменты посыпались на пол, более ненужные и такие же неуместные, как пенициллин у койки умершего. Он переложил пистолет из ящика в карман лётной куртки.

Он ощущал как он стучит, шевелится - будто второе сердце, спрятанное поглубже, под выделанной овечьей шкурой.

Какое мне дело до вас, майор Айк, и до вас, флайт-лейтенат Кобб - теперь!

Айра закрыл глаза и с каждым словом невнятной молитвы, произнесённой шёпотом, пока он полз назад, на своё место в хвосте, он всё больше и больше успокаивался.

Between the desire
And the spasm
Between the potency
And the existence
Between the essence
And the descent
Falls the Shadow.

Оставшиеся два турбовинтовых «Тезуеса» рвали, тянули из себя все себя жилы не жалея ресурса, стараясь удержать скорость бомбардировщика на той отметке, когда машина ещё слушается рулей, а побитые крылья -могут держать её в воздухе. Врядли донесут его обратно до Блайти. Но пусть хотябы, дотянут до Рейна. Хотябы до Штайнфурта ...

Айра замолчал, повернул голову и снова взглянул, через пробоины в корпусе, на лишь слегка вращавшиеся под набегавшим потоком широкие лопасти огромных чёрных винтов.

For Thine is the Kingdom...

В хвосте. В хвосте, на его обычном месте безопаснее всего -во время вынуженной посадки. Это сержант-пулемётчик Хирми знал точно. И упорно продвигался туда , сантиметр за сантиметром, несмотря на содрогания корпуса - как червь в кишках умирающего зверя.

Всё закончилось быстро.

Сегодня всё закончилось быстро. Должно быть, самолёты прошли мимо них.

Слава богу, что она снова дома

Грета лежала в постели и думала сразу обо всём. Например, как же так вышло, что в таком большом доме только они с бабушкой?

Она вспомнила человека с тачкой -в которой явно помещалось всё, что он имел и жить ему явно было негде. А тут -пустой дом, мимо которого,раз за разом промахиваются бомбами и керосином англичане.

Правда, Микке, с которым Грета ходила в одну школу -пока её не разбомбили, говорил, что на окраины просто не тратятся. Бомба стоит дорого. Её не будут бросать на какой-то пряничный домик в пригороде. Ей лучше попасть в железнодорожные пути, восстанавливающийся вокзал, заводские цеха или склады. А это всё - ближе к центру. Возможно, он прав. У него папа - инженер на заводе. Мог от него и узнать.

В любом случае,это не объяснят почему они здесь живут одни,когда кругом столько людей, которым спать приходится в тачке.

Увлечённая своими мыслями, как-то незаметно для самой себя, повернулась на бок и заснула - несмотря на то, что сверху дул холодный ветер...

Ветер?

Сна как не бывало.

Грета села на кровати, отбросив одеяло.

Что-то скрипнуло наверху.

Раньше там был чердак. Но взрыв воздушной мины снёс черепицу, открыв сложенные там вещи дождю, снегу и ветру. Что-то они сами перетаскали на себе. Оставшиеся ещё от дедушки напольные тяжёлые часы пришлось отдать антиквару, господину Штюркмаеру, давно уже присматривавшемуся к ним. Смотревший на них с небес, когда ему не мешали облака и крылья англичан, дедушка, наверное, был бы недоволен, но что делать? Отец был на Русском Фронте. Ремонтировать крышу, ясное дело, было некому. Да и часы всё равно давно перестали ходить - постоянные взрывы бомб давно сдвинули что-то в тонком механизме, а кроме деда часовщиков семье не было (Поэтому Штюркмайер также получил чемодан с часовой фурнитурой и инструментами - за пять яиц). Бабушка, говоря это, вздыхала, садилась и некоторое время смотрела куда-то очень далеко. Грета тоже вздыхала и садилась рядом с бабушкой - если было где. Правда, сидела она не так неподвижно и уже через мгновение принималась болтать ногами и рисовать на полу носком ноги невидимые круги и восьмёрки. Кому-то отдали что-то ещё - за помощь в перетаскивании тяжёлых вещей с чердака - таких, которых бабушка и Грета просто не могли бы поднять. Что-то выменяли на продукты...

В общем, давно.

Теперь там не было ничего, что могло бы скрипеть. И никого.

И теперь дверь туда была не просто закрыта, но и проконопачена - ещё холод терпеть! Хватит с них и того, что по весне или после дождей на потолке наливаются соком чернильные пятна и звонкие капли начинают падать, одна за одной, в в спешно поставленные тазы.

Опять! Ещё звук!

Нет, ей не показалось!

Может быть, приёмник?

Опять англичане?

Отправленная в постель без ужина, она слышала как к бабушке заходила соседка - фрау Бюльм. Она много чего рассказывала бабушке о ценах на картошку, яйца и кофе - но ещё и о том, что недалеко от города упал повреждённый англичанин...

Снова скрипнули доски над головой

Грета села на кровати, отбросив одеяло. Никакой это не приёмник.

И по ногам дует.

В доме была только одна керосиновая лампа - у бабушки, трещащая, как сырые дрова. Это из-за керосина - господин Штюркмайер говорил, что он редко продаёт сегодня настоящий, немецкий, керосин. В основном, это топливо с подбитых англичан, которые не горели и из неразорвавшихся бомб -такое вот у них, например, трещит и сыплет разноцветными искрами в лампе, не до конца очищенное от кислот и солей.

Бабушка не дает Грете даже свечи, опасась, что она подожжёт постель и себя. Впрочем, свеча бы не помогла -ведь спички она тоже держит при себе, чтобы зажечь лампу,если понадобится встать ночью. Спички, если верить господину Штюркмайеру - пока что, ещё делают настоящие, немецкие.

Придётся идти так.

Совать натёртые за день ноги в деревянные башмаки совершенно не хочется - босиком, по холодному полу, куда приятнее.

А ведь в самом деле, тяжёлая рассохшаяся дверь не открывавшаяся уже столько времени - нараспашку. И пыльные тряпки, намертво вплющенные в косяк- вот на полу... И ветер тоже ей не померщился.

Не может быть! Пусто! Этот дом был пуст! Ему же так везло, что просто не могло вот сейчас... Расплата за то, что он бросил экипаж? Бежал из разломанного самолёта? Господи боже, да они все были мертвы, мертвы! Да, он уверен! Более чем. Наверное.... Айра пополз отталкиваясь подошвами так и не обрезанных лётных сапог по покрытого влагой и гнильем пола, пока не укнулся в старый, разваливающийся от влаги шкаф. Господи боже, неужели за желание спрятаться, провести эту ночь в покое, подальше от людоедов из СС и, желательно, под крышей - следует такое наказание!

Тяжёлый одиннадцатимиллиметровый «кольт»,которым он целился в темноту дрожал и выписывал концом ствола невероятные фигуры, несмотря на то,что Айра держал его двумя руками. Тишина была такая, что бывший пулемётчик слышал как шуршит задевающий своей длиной белой шерстью звёзды ветер. Или ему так казалось -что звёзды. Ведь любая ночь полна звуков, непонятных непривычному и давно оглохшему от рёва турбовинтовых уху. Один выстрел, один... И звёзды посыплются с небес. СС!

Айра раньше слышал шлёпанье босых ступней по влажному полу, чем увидел белую ночную рубашку, треплемую ночным ветерком с упорством зовущего поиграть пса.

И понял, что ССовцы босиком не ходят.

In death's dream kingdom
Let me also wear
Such deliberate disguises
Rat's coat, crowskin, crossed staves
In a field
Behaving as the wind behaves

Он собрал в своей памяти остатки школьного немецкого:

- Ich bin ein guter alte onkel Ira. Ich heute zu dir, meine pupchen ...

Как её могут звать? Господи, да какая разница! Немецких девочек всех зовут одинаково.

- Gretchen....

Угадал.

Она что-то сказала, он не услышал - что. Айра улыбнулся в ответ. Она улыбнулась тоже и сделала несколько шагов к нему - как пистолет Айры снова взлетел. И на этот раз бортстрелок держал свой «кольт» твёрдо:

- НЕ ПОДХОДИ!

No nearer!

-Не подходи - и всё! - одиннадцатимиллиметровый чёрный зрачок безумно заметался вправо-влево от Греты, - Не ближе пяти шагов! Пять шагов, Гретхен! Иначе твой дядя Айра застрелит тебя! Гешоссен - и всё тут!

Он указал ей пистолетом на старинный стул, со сломанными ножками, который никому не был нужен. Он так и остался на чердаке. Его зелёное сиденье впитало в себя столько воды, что ей можно было бы наполнить небольшое озеро и пахло гнилью - как отсыревшая книга.

-Но почему? - спросила удивлённая Грета, усаживаясь туда, куда ей было велено - Ты же мой дядя!

Её ночная сорочка сразу же напилась выступившей из кресла гнилой водой. А ей -ничего. Сидит себе и сидит. Ничего не замесает будто. Подумать только! Самому Айре адски холодно - и это в его-то коричневой ирвинке. И ещё сапоги хлюпают, ноги стынут - это он, по пути навернулся в воронку. О неё, видимо, сломал видимо, переднюю стойку их «линкольн». Не весь, не с головой - и то слава богу. Но сапогами воды зачерпнул и перемазался, вылезая, как чёрт. И пистолет не выронил - тоже хорошо. Искать бы его было некогда, к машине уже, наверняка, шли патрули людоедов, СС, надо было бежать. Бежать и не думать о том, что за спиной.

Рассчитывал просушиться, хоть немного привести себя в порядок - а дом, разрубленный попаданием фугаски почти пополам, но, в остальном, пости целый - оказался вовсе не пуст, как ему показалось. Вот же...

Через несколько минут они уже разговаривали.

Пистолет сержант-пулемётчик Айра Хирми опустил - но не убрал, а положил на пол рядом. На случай, если девочка попытается подойти ему ближе, чем на пять шагов или уйти и позвать кого-нибудь из взрослых.

- Откуда ты приехал, дядюшка Айра? - спросила Грета.

Девчонка совсем разгулялась и сна у неё не было ни в одном глазу

- Я... эм... , - помялся тот. Волнуясь и с трудом подбирая слова, он водил грязным указательным пальцем по металлическим линиям лежавшего у его ноги громадного пистолета, - Я из Лондона.

На самом деле, Айра родился в Манчестере. А аэродром, с которого взлетел их «Линкольн» и вовсе находился рядом с Вудбриджем, но... Просто так удобно было. Школьные фразы так хорошо ложатся на язык.

Грета засмеялась.

- Ну ты и шутник, дядя Айра!

Пулемётчик удивлённо заморгал.

- Разве я сказал что-то смешное, моя маленькая?

-Ну конечно!- всплеснула руками, - Ведь в Лондоне живут одни англичане.

- Ну, и что с того? - пожал плечами, - Значит, у тебя есть дядя-англичанин, только и всего. Повезло, правда? Не у каждой немецкой девочки он есть.

- Но ты же никак не можешь быть англичанином, дядя Айра! -ответила она

- Это ещё почему? - услышав такое заявление Айра поднял широко раскрытые глаза от серебристого металла пистолета и удивлённо посмотрел на неё.

- Ну... У тебя две руки и две ноги... - начала Грета

- А у англичан их быть не может? -тут же пребил её Айра, - Англичане как-то по-другому устроены?

- Конечно! - глаза Греты распахнулись широко-широко - У англичан огромные крылья! - руки девочки взмахом показывали - насколько эти крылья большие,- И винты! Стеклянная голова и в брюхе у них пустота. Или бомбы.

- И многих англичан ты видела?

-Ну... - надолго задумалась Грета,- Одного! Этим днём! - кринула она, вспоминая Тень, - И ещё одного - когда нам места с бабушкой не хватило в убежище и мы искали где спрятаться.

Айра угрюмо слушал, пытаясь представить себе Лондон в котором живут такие существа. Наверное, это нечто вроде огромной базы. На которой нет ничего. Никаких людей. Ни майора Айка, ни лейтенанта Кобба, ни штаба - ни даже единого города поблизости, с пабом и прочим. Нет, база - даже это слишком по-людски. Такой Лондон - это висящий в небесах дирижабль, ловящий огромными сетками атмосферную воду. И перегоняющий бесконечный водород в топливо, топливо и только топливо - единственное, что нужно машинам от человека!

-... Ну а у тебя две руки, живот, голова. Ты - немец, дядя Айра.

- Хорошо, - безропотно согласился хвостовой стрелок сбитого бомбардировщика Королевских Военно-Воздушных Сил, - Я- немец. Конечно же, я -немец. Извини, пошутил. Ты только не рассказывай обо мне никому, ладно? Это будет наш с тобой секрет. Я уеду завтра утром. Никого не потревожу. Рано-рано.

И тут Айру уколола запоздалая мысль:

- А тебя... - спросил он свою «племянницу», - Не будут искать? Мама-папа, не придут проведать как ты спишь? Не услышат -как мы говорим? Мы не разговариваем... слишком громко? Никого... не разбудим?

Грета погрузилась:

- Мама и папа - точно не придут успокоить меня. Мама - во Франкфурте. Она - рейхсарбайт, вместе с другими восстанавливает разбомбленные пути. А мой папа-солдат. Он - на Русском Фронте и тоже очень далеко. Осталась только бабушка. Но до утра её разбудить можно разве что пушкой. Она ведь совсем глухая. Кроме неё - только ты, дядя Айра. Но ведь и ты уедешь завтра утром, да?

- Я должен, - притворно извинился Хирми, - Мне жаль, золотко. Я бы с удовольствием с тобой побыл подольше. -Айра указал на полоски на погоне - Но не могу. Я тоже солдат и должен подчиняться приказам. К тебя я зашёл только потому что было по пути.

- Ты тоже солдат!? Как папа? А куда ты...

-В Аахен, - Хирми подумал, что правда ему особенно не повредит. В конце концов, СС и так понятно - куда побежит сбитый англичанин. К «Зигфриду», конечно же. Да и кто поверит этой девчонке. У неё англичане - с винтами и крыльями. Фантазёрка или дурочка...

- Жалко... Вот если бы у тебя была бы увольнительная хотя бы на несколько месяцев, - «Какая умная девочка» - Ну, или ты бы приехал чуть попозже, то я, ты и бабушка - все мы могли бы встретить Рождество! И мой день рожденья. Он тоже будет зимой. А в сорок четвертом году мне должно исполнится.... Целых шесть лет! Погоди, так ты едешь в Аахен? Значит, твой эшелон остановится во Франкфурте...

- Это врядли, - сказал Айра, глядя сквозь дыры в крыше на черно-синее небо, - Что мой эшелон остановится во Франкфурте. Что какой-либо эшелон когда-нибудь остановится

во Франкфурте...

И тут до него дошло, что он ляпнул. И ведь она сейчас спросит...

Айра ещё раз взглянул на Грету - некрасивую полноватую, с точками веснушек по обе стороны плоского носа. Единственное, что красивого ей отпустил Бог - это волосы. Если сейчас она расплачется и попробует уйти - будет плохо.

Боже мой, так не хочется стрелять... Тем более - в эту.

- Почему, дядя Айра?

Хирми сделал вид, что не услышал вопрос. Потянулся, разминая затёкшие мышцы и попробовал перевести стремительно летящий в глубокую воронку разговор на другой путь, ещё относительно целый.

- Грета, а нет ли у вас чего-нибудь перекусить? А то, знаешь ли, я долго шел и устал...

Сработало!

Стоило только напомнить, что она тут - маленькая хозяйшкa и к ней пришёл гость любимый дядюшка, как она моментально забыла о Франкфурте.

Постучав пальцем по полным губкам, Грета с невероятной детской серьёзностью сказала, что кофе у них давно закончилось и всё равно, чтобы его сварить пришлось бы разжигать плиту и будить бабушку...

Айра, с достоинством древних стоиков, отказался от кофе.

- От ужина осталась холодная картошка. Она, наверное, в шкафу, на кухне

- Неси, - кивнул Айра.

Он чудовищно рисковал. С другой стороны, в доме, до утра по сути только они. И разговор про Франкфурт тоже сулил неприятностями....

Нет, конечно же он ничего не собирался здесь есть. Заражённая земля. Люизитная пища - в само деле, пригодная только для мёртвых.

Их пища - прах и еда их - глина....

И спровадить её было - необходимо.

В тот момент, когда Айра почти что собрался идти за ней, она всё-таки вернулась. С красивой тарелкой. С синей каёмочкой. И вилку постаралась найти не абы какую - тяжёлую, старинного серебра. А вот на тарелке....

-Это ... что?

Чёрные комки не то гнилья, не то слизи, расплывающиеся по фарфору. А она смотрела на него так, будто ожидала, что он эту мерзость будет есть.

- Картошка, дядя Айра. Я....

- НЕТ! Поставь.... Толкни тарелку. Отойди. Я сам возьму.

Пять шагов. Она помнила. И отошла.

Айра взял тарелку, осторожно вернулся в свой угол и поставил ей рядом с собой на пол.

Боже...

-Если ты всё-таки поедешь через Франкфурт, дядя Айра, - первой нарушила долгое молчание Грета,

- Не думаю. Очень врядли.

-Ну откуда ты знаешь - вдруг ...

- Я не поеду через Франкфурт!

- Но ведь тогда ты мог бы ...

- Никакого Франкfurта нет! - рявкнул замёрзший, уставший и голодный Айра.

Из пухлой ручки Греты упал на пол и разбился какой-то стеклянный журавлик.

- Как так нет?! Там мама!

В жизни ты не был большим идиотом, сержант Хирми! Ну, наверное, теперь можешь говорить ей всё до конца

- И мамы нет. Месяц назад, на Франкфурт сбросили «Блю Данаб».

И снова, перед его глазами проплыла за тягачом, на тележке серебристая остроголовая ртутная капля, отражавшая в своих боках, как в кривом зеркале, серое небо - но только в страшно искажённом виде.

Размерами она не уступала любой, самой большой, сейсмической бомбе - именно поэтому капля плыла к их «Линкольну», с открытыми настежь шторками огромного бомболюка, а небо помещалось в ней всё, до конца.

Наверное, когда этот «Данаб» падал из люка их самолёта - в нём, наверно, отразилась вся Германия.

Последнее слово, тоже вполне английское, он зачем-то произносил почти по-немецки. Даже про себя. Сказывался долгий и утомительный разговор на чужом языке для которого Хирми приходилось напрягать все силы его и без того уставшего мозга.

В глазах Греты не читалось ни малейшего сомнения - только страх. Дядя Айра, в самом деле мог сбросить на Франкфурт целую реку. Весь голубой Дунай.

Хирми поднялся, подошёл к ней и положил ладони ей на плечи, стараясь утешить. Они были такими холодными, что руки самого Хирми казались отлитыми из незастывшего до конца металла:

- Послушай.... В общем, дело тут не во Франкфурте. Мамы нет. Тебя нет. Никого нет. Давно нет. Сейчас не сорок четвёртый. А тысяча девятсот пятидесятый. Вот так.

Грета не отвечала, а Айра продолжал:

- Я ни виноват. Мы не виноваты. Никто не виноват. Так было надо. Вы начали делать какие-то новые подлодки! Мы никак не могли полностью остановить производство бомбардировками - только замедлить! И тут, ваш сумасшедший фюрер, отступая из итальянского Бари, будто ему этих лодок мало - зачем-то наносит удар газом по янки! Всё! Никто не стал ждать нового повода! На следующий же день семьсот тонн иприта рухнули на Гамбург!

А через неделю - «Ланкастеры» утопили Аугсбург и его фабрики в фосгене и люизите. Мы стали бросать всегда, бросать по любому поводу... Чтобы усилить действие зажигательных бомб. Или даже вместо них, после первой волны, сбрасывалась боевая химия. Иногда даже химические бомбы были у машин первой волны - чтобы приглушить огонь зениток. Расчёты никак не могли угадать-когда им придётся столкнуться с «чёрной росой» и должны были задыхаться в противохимических костюмах, наводя свои орудия в никуда залитыми жгучим потом глазами-который они не могли утереть потому что мешали линзы и резина противогаза!

Много кто не угадывал, наверное.

Химия....

В отместку за Аугсбург, вы перебили всех наших пленных, начав со Шталаг Люфт со всеми нашими сбитыми экипажами.

Ну тут уже не выдержали мы и сбросили все бомбы с антраклезой и всеми библейским язвами, что у нас были.

Может, оно их хуже работает вместе с боевыми ядами. Может, лучше. Да только всем было всё равно.

Не знаю, что вам говорил по радио ваш фюрер да и ты слишком мала, чтоб слушать такое дерьмо - но именно поэтому наши армии остановились, не желая даже случайно прикоснуться хоть к одному немцу.

Мы просто ждали когда в либо сложите оружие, либо передохнете. Вы не сдавались. За год, по всей Германии, прекратились радиопередачи. Даже фюрер с Геббельсом замолчали. И армии двинулись вперёд - медленно-медленно. Не потому что увязали в обороне - её и не было. Всех, оставшихся живых и вооружённых немцев, как и раньше, надо было убивать - но таких было мало, да их почти не было и они быстро сдавались. Потом вообще живых не стало - одни трупы. Люди. Животные.

А вот всех мёртвых надо было сжигать. И тщательно проверять почву, воду, воздух - чтобы узнать докуда дошла болезнь. Залить формальдегидом или напалмом.

Мне наш танкист из Рейнской Армии всё это рассказывал. Он служил- и в Африке служил, и в Италии, и до Рейна дошёл. Ещё тогда, когда эта война была нормальной. Мы иногда возили их самолётами - когда они сменялись на Рейнской Линии. А потом...

Айра перевёл дух и продолжил:

- А потом что-то зашевелилось в глубинах Рура. И из шахт на свет божий, на тылы рвавшейся к Франкфурту 1-ой армии американцев полезли немцы. Уже уничтоженная химией, голодом и болезнями армия Бласковица. Все те немцы, которых чёртовы тупые янки, поленившись сжечь, просто сгребли танковыми бульдозерами и, вместе с падшими коровами и свиньями, сбросили в угольные шахты, засыпав негашеной известью. Что там дальше было - он мне не говорил. Но если даже американцы, с их с

кучей самолётов и игрушечных танков предпочли отойти обратно, за «Зигфрид» - дело было совсем нечисто.

С тех пор мы не ходим в Германию. Никто не ходит в Германию. Русские тоже, насколько я знаю. Мы только падаем в Германию. Сначала её надо выжечь, от края до края. Сжечь весь люизит, пропитавший почву на метр вглубь. Сжечь все болезнетворные споры. И самое главное - сжечь всех немцев.

Напалмом.

Магнием.

«Данабом»..

Только потом здесь можно жить. Так сложилось. Извини....

Он ничего не замечал вокруг себя и даже рядом с собой. Например, того, как лицо Греты эпилептически задёргалось, а из уголков полуоткрытого рта потекла слюна.

-Прости, моя маленькая златокудрая овечка, - закончил он свою речь, - Но чем вы все болеете - никто не знает. И как вас лечить - тоже. И вы все опасны для мира. Да и лечить вас незачем - вы все уже мертвы. Гитлер, Геринг, твоя бабушка.

Не спрашивай - от чего умерла именно ты. Я не знаю. Я просто тупой пулемётчик. Я видел на твоей руке струпья и сожжённую до красноты кожу -это может быть, это болезнь. А может, и химия....

Но вы умерли от заразной болезни и вас просто нужно сжечь. Не обижайся....

Айра обнял её покрепче, прижал её к себе, стараясь успокоить, как ему казалось, плачущую Грету, и, в ту же секунду, закричал и оттолкнул от себя нечто, клацающее чёрными зубами.

Он оглянулся, держась за почти откушенное ухо.

Дурак, дурак, дурак! Трижды дурак! Сам нарушил правило пяти шагов. И забыл на полу пистолет...

Ну ничего. Они одни. И сейчас он его возьмёт.

Она прыгнула к нему на спину. Айра не удержался, поскользнулся на мокром полу и упал на четвереньки.

Чуя, как по шее снова течёт тёплая кровь, Айра пополз к забытому пистолету, не обращая внимания на вцепившуюся в него девчонку.

Один выстрел...

Второй.

Третий.

Четвёртый.

Пят....

This is the way the world ends

Not with a bang but a whimper.

Грета ковыряла холодную клейкую массу в тарелке.

- Опять каша...

- Опять, - строго ответила бабушка.

-Но почему нельзя есть на завтрак свинину, что была у нас вчера на ужин?

- Потому что консервы привозят в город только после бомбёжек и их надо экономить.

Грета вздохнула. Ничего удивительного. У бабушки на всё на свете был ответ. Всегда и на всё...

- Но ведь нас вчера не бомбили. Откуда тогда свинина?

Бабушка отвлеклась от разложенных на столе серебряных ложек, которые она уже давным-давно собиралась почистить и посмотрела на неё из-под очков тем самым взглядом, который даже герр Штюркмайера заставлял поднимать ладони, словно бы отгораживаясь от бабушки, и униженно лебезить: «Милейшая фрау Елизавета!»

«Но я точно помню, что нас не бомбили» - подумала про себя Грета, но спорить с бабушкой не решилась и покорно принялась за сероватую кашу.

Бабушка вернулась к своим ложкам.

- Баа...

- Ну, что тебе, беспокойная душа? - проворчала фрау Елизавета, не поднимая головы, и уже без особенной злости, приготовившись к новому неожиданному вопросу

- А что такое «Блю Данаб»?

Против ожидания Греты, бабушка не рассердилась, а только фыркнула и засмеялась:

- Ну надо же так кувырком услышать! «Голубой Дунай», вальс такой старый.